

МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ НАЗВАНИЙ ЛУННЫХ ФАЗ В ЯЗЫКАХ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Известно, что мифологические представления о луне и ее влиянии на жизнь человека принадлежат к древнейшим пластам традиционной духовной культуры, составляя раздел народной астрономии и космологии, а лунный календарь у многих народов на протяжении веков и практически до нашего времени регулировал хозяйственную жизнь, обрядовое и бытовое поведение. Вследствие этого анализ семантических моделей номинации луны и лунных фаз (равно как и анализ семантики, сочетаемости, вторичных значений «лунной» лексики, а также ее функций в культурных контекстах) позволяет реконструировать стоящие за лексикой когнитивные механизмы восприятия и категоризации мира.

Анализ названий лунных фаз показывает, что в народном сознании лунное время воспринимается целостно и системно структурировано: лунный цикл делится на четыре или две части, при этом двойное членение — более архаичное. Соответственно, системность номинации лунного времени более заметна именно в названиях половин (не четвертей) лунного месяца, которые почти всегда взаимобусловлены, например, полес. *молодой*, *молodik* 'о растущей луне' — *старой*, *старик* 'об убывающей луне' [Чёха 2006: 488]. В этой связи лексический материал, использовавшийся в настоящем исследовании, условно подразделяется на а) номинации новолуния (безлуния), б) номинации полнолуния, в) номинации половин лунного цикла в рамках модели «молодая — старая луна», г) номинации половин лунного цикла «увеличивающаяся — уменьшающаяся луна». При этом в болгарской, а также в греческой традиции обращает на себя внимание разработанность номинаций второй половины лунного цикла (представленных десятком мотивационных моделей) и практически отсутствие номинаций безлуния — времени, которому в сербской традиции уделяется самое пристальное внимание.

Номинации новолуния (безлуния)

По наиболее распространенной версии, один лунный месяц состоит из тридцати дней¹. Отсчет очередных тридцати дней нового лунного месяца начинается в новолуние, а середина лунного цикла приходится на пятнадцатый день; например, у македонцев: «кад се јаде месечината на петнаест дена се јадела, петнаест дена се пунила» (когда месяц «едят» (т.е. когда луна убывает), пятнадцать дней «поедается», пятнадцать дней наполняется) (Пеширово) [Вражиновски 1998: 65–66]. Подобным представлением объясняются названия полнолуния у других балканских народов типа греч. фракийск. *δεκαπέντημα* (досл. пятнадцатидневие] < *δεκαπέντε* ‘пятнадцать’) [Μέγας 1941: 142], греч. родос. *εδεκαπένητησεν το φεγγάριον* (досл. «месяц стал пятнадцатидневным») [Παλαχριστοδούλου 1969: 279] или *pêsmlete* (пятнадцать дней) ‘полнолуние’ у албанцев Скопской котлины [Филиповић 1939: 233]².

В терминологии лунных фаз получает отражение идея, что одна луна сменяется другой во время новолуния: болг. *менà* (Банат) [Телбизови 1963: 175], босн. *мена* [Филиповић 1949: 204]; черногорск. *мијена* [Дучић 1931: 331], макед. *менена месечината, промена* [Вражиновски 1998: 67], равно как и греч. *αλλαγήν* (мена) (о. Крит) [Αικατερινίδης 1957: 588], *αλλαζοφεγγαριά* (меняющийся месяц) [Μέγας 1941: 142]³.

¹ Отмечаются и другие версии, например, македонская: «Дванајсе Месеци, ама тринајсе Месечини излезваат у годината. Они (месечините) не одат по триесе дена или триесет и еден как месецот. **Двајсе и осум дана се**. (В году двенадцать календарных месяцев и тринадцать месяцев лунных. Лунные месяцы не длятся тридцать или тридцать один день, как календарные месяцы. В них двадцать восемь дней) [Вражиновски 1998: 62], или в греческой легенде из Пелопоннеса о свадьбе Солнца и Луны, в которой читаем, как «от большой своей ревности, <муж-Солнце> желал, чтобы ни один взгляд не упал на его жену. Поэтому он отпускает ее только ночью, а весь день ходит один. На **каждый двадцать восьмой день, когда она сменяет все свои фазы**, <солнце с луной> сближаются, ненадолго сходятся и целуются, и снова расходятся» [Σαράλης 2003: 331–332].

² В этой же связи можно вспомнить легенду из с. Вакарел (Болгария) о грешнике Каине, поставленном Богом на луну: «Когато Каинъ убиль брата си Авеля, Богъ наказаль убиеця, като го поставиль на Луната и му казалъ: “Ти, грѣшникo, тука ще се мѣчишь вѣчно, като **всѣки 15 дни умирашь и други 15 дни се съживявашъ**”» (Когда Каин убил Авеля, Бог наказал убийцу, поставил его на луну и сказал ему: «Ты, грешник, здесь будешь мучиться вечно, каждые пятнадцать дней будешь ты умирать, а следующие пятнадцать дней — оживать») [Ковачев 1914: 31].

³ Интересны тексты хозяйственных запретов, в которых «обыгрывается» внутреннее значение термина «мена», и создаются неологизмы, пополняющие «лунный» словарь: например, в Банате на менàта (в новолуние) не играли свадеб и не объявляли помолвок, «за да не се уменè булката» (чтобы

Восприятие времени перемены луны как «рубежного» (и опасного как всякое другое пограничное время) лежит в основе такого названия новолуния, как болг. *на мѣжду* (на меже) (с. Тешево) [Пирин 1980: 459].

Отсутствие месяца на небе становится мотивирующим признаком для номинаций, описывающих период безлуния как «пустое» время: болг. *празну лунату* [Пловдив 1986: 295], *на празно* [Странджа 1996: 263]; макед. *на празно, на празна месечина* (Пеширово) [Вражиновски 1998: 65–66]; серб. *празан месец* (Скопска котлина) [Филиповић 1939: 212]; также греч. *δεν έχει φεγγάρι* (нет месяца) (о. Лесбос) [Οικονομίδης 1962: 494], болг. *няма месечина* (Узункюприйско) [БЕР 1986 III: 757].

Через номинацию же даются объяснения такого отсутствия, и поскольку для народного восприятия природного времени «характерен биологизм: каждый временной цикл имеет начало (рождение), расцвет, увядание (старость) и смерть, за которой следует возрождение и новый цикл» [Усачёва 1999:172], то нередко безлуние называют временем «гибели» или «(пере)рождения» месяца. Так, он «прячется» — болг. *скрѣна е* (месечина) (Вълче поле) [Родопи 1994: 30], греч. *κρυφή του φεγγαρκού* (сокрытие луны) (о. Кипр) [Παλαγγέλου 2001: 1299]; «гибнет» — болг. *пѣгibel месеца* [Маринов 1981: 49], греч. *χάση* (гибель, пропажа) (о. Родос) [Παλαχριστοδούλου 1969: 280], «рождается» — макед. *се раѓа* (с. Чумово) [Вражиновски 1998: 64]; болг. *рѣжда се* [Пловдив 1986: 295], *роди се месечината* (Гоцеделчевско) [Родопи 1994: 30], *γέννησαν του φεγγαρκού* (рождение луны) (о. Кипр) [Παναρέτου 1967: 52]; «переворачивается» — *ανακάτωση φεγγαριού* (Сими) [Μέγας 1941: 143]; «выковывается» — болг. *кѡвне се* [Пловдив 1986: 295].

Номинации полнолуния

Главным универсальным мотивационным признаком номинации полнолуния служит полнота, совершенство лунного диска:

болг. *пълна* [Пловдив 1986: 295; Пирин 1980: 459; Родопи 1994: 11], *пълна месечина* [Пирин 1980: 459; Капанци 1985: 261], *пѣлин месец* (Банат) [Телбизови 1963: 175], *пѣлен месец* [Ловеч 1999: 270], *пѣлѣн месец* (Бели осъм, троянск.) [БЕР 1986 III: 755], *пѣл месец* (троянск., тетевенск.) [Ловеч 1999: 270], *пѣлна свещ* [Маринов 1981: 48], *пѣлнѣж* [Пирин 1980: 459; Сакар 2002: 233], *пѣлнеш, изпѣлни се* [Родопи 1994: 11]; макед. *полна* (месечина) (Мариово, Нерези, Осој, Старавина, Чаниште) [Вражиновски 1998: 58–60]; серб. *пун месец* [Ђорђевић

невеста не изменяла мужу) [Телбизови 1963: 175]; про одежду или полотно, постиранные о мѣјени (в новолуние), черногорцы говорили, что они «омијениле су се», т.е. вылиняли и истончились [Дучић 1931: 331] и др.

1958: 32; Филиповић 1939: 212]⁴. То же и у греков: *γέμωση, γεμωσῖα* ‘полнолуние’ (о. Кипр) [Παλαγγέλου 2001: 198], *γεμόφεγγο* ‘то же’ [Μέγας 1941: 143], *γεμοφέγγαρο* ‘то же’ (о. Касос) [Σόφος 1986: 60], *ολόγιομο, ολόγεμο φεγγάρι* ‘то же’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1247], *φεγγάρι ολόγιομο* ‘полная луна’ [Ψυχогίος 1953: 261], *εγίμωσεν το φεγγάρι* (наполнился месяц) ‘о периоде полнолуния’ (о. Родос) [Παλαχριστοδούλου 1969: 280] от деривационной основы *γεμάτος* ‘полный, наполненный’, *γεμίζω* ‘наполнять’; *φουσκοφεγγαριά* ‘полнолуние’, *φεγγάρι φουσκώνει* ‘месяц наполняется’ (Пилия) [Μέγας 1941: 143, 144] от основы *φουσκώνω* ‘надувать, наполнять’.

болг. *цяла* [Пловдив 1986: 295; Родопи 1994: 11]; греч. *ολόφεγγο, ολοφέγγαρο* ‘полнолуние’ [Μέγας 1941: 143] от *όλος* ‘целый’;

макед. *права месечина* (Галичник) [Вражиновски 1998: 62] греч. *φεγγάρι σωστόν* ‘полнолуние’ (Понт) [Οικονομίδης 1972: 6] от *σωστός* ‘правильный, точный’.

Другой мотивационный признак в основе номинации полнолуния — яркость полного лунного диска: болг. *ламπεж* ‘то же’ (с. Слащен) [Пирин 1980: 459], *ясна месечина(та)* ‘то же’ [Маринов 1981: 48]; серб. *чистина* ‘то же’ [Филиповић 1939: 134]; греч. *φέξη* (свечение) ‘полнолуние’.

Номинации половин лунного цикла (молодая — старая луна)

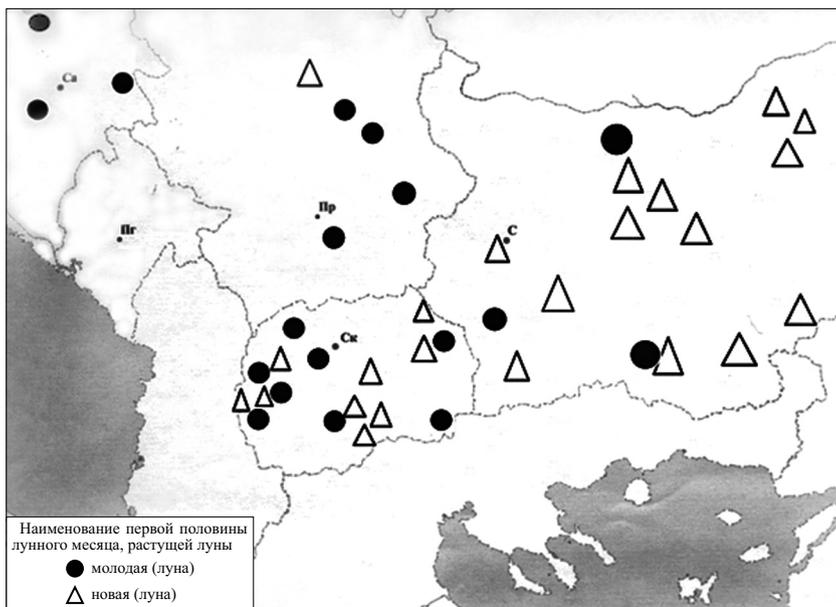
Рассматриваемая модель номинации отражает представления о «жизни» месяца, растущая луна называется молодой, убываю-

⁴ Желанием сообщить окружающим предметам это свойство полноты объясняется приуроченность некоторых хозяйственных работ к периоду полнолуния. Приведем несколько примеров. Так, на полную луну сажали на яйца насадку «за да няма “празни” яйца» (чтобы яйца не были пустыми) [Пловдив 1986: 295; Капанци 1985: 262], покупали поросят «за да бъдат “дубели” (чтобы (те) были толстыми) [Телбизови 1963: 175]. Сеяли жито «за да бъдат “пълни” зърната» (чтобы зерна были полными) [Пловдив 1986: 295], сажали фасоль и бобы — «шущулките и да са пълни» (чтобы стручки были полными) [Капанци 1985: 262], картофель — «за да бъдат пълни гнездата» (чтобы были полными гнезда) (Банат) [Телбизови 1963: 175]. Осенний сев требовалось начинать в полнолуние, «да бъде пълен хамбара» (чтобы амбар был полон) [Капанци 1985: 262]. Сербы на полнолуние переселялись в новый дом, чтобы «куќа увек бити полон» (всегда дом был полон) [Vlahović 1972: 66]. Ритуальный хлеб для празднования первых шагов ребенка болгары замешивали в полнолуние, чтобы жизнь этого ребенка была «полной» [Седакова 2007: 303]. Боснийцы верят, что «пун мјесец добро је у кући спомињати, јер ће и кућа свега пуна бити» (хорошо говорить дома о наступлении полнолуния, чтобы дом всегда был полон) [Ђорђевић 1958: 34]. См. также в приметах: болгары считали, что полнолуние (месецът е пълен) в Дмитриев день (26.X/8.XI) предсказывает хороший приплод скота, если же луна окажется «пустой» (месецът е празен), то «пустым» останется и хлев [Ловеч 1999: 272].

шая — старой (ср. с названиями новолуния типа болг. *ражда се* 'то же' [Пловдив 1986: 295]; макед. *раѓа се* (месечина) 'о периоде новолуния' [Вражиновски 1998: 64]; греч. *γέννηση* (рождение) (Ликия) [Δελήσαββας 1988: 118] и т.п.). Для сербской и словенской традиций — это единственная (за редким исключением) модель: *млади месец*, *младина*, *млађак* 'растущая луна' — *стари месец* 'убывающая луна' [Јанковић 1951: 107], *млади дани* 'первая половина лунного цикла' — *стари дани* 'вторая половина лунного цикла' [СМР 1970: 207], см. также *млада недеља* 'первая неделя растущей луны' — *стара недеља* 'вторая неделя после полнолуния' [Јанковић 1951: 107]; *v mlaji*, *v mladih dnevih* 'на растущей луне' — *ob starem* 'на убывающей луне' [Möderndorfer 1946: 98–100]. В болгарской и македонской традициях рассматриваемая модель представлена не так последовательно, и нередко первая половина лунного цикла называется *новой*, а не *молодой* луной: болг. *млада* (месечина) 'растущая луна' — *стара* (месечина) 'убывающая луна' [Пловдив 1986: 295], *стара месечина* 'убывающая луна' (с. Долен) [Пирин 1980: 458; Koseska 1972: 92]; макед. *на млада* 'о первой половине лунного месяца' — *на стара* 'о второй половине лунного месяца' (Старавина) [Вражиновски 1998: 59]; макед. *новина* 'растущая луна' — *стара* 'убывающая луна' (Чаниште, Мариово) [Там же: 58], болг. *нова месечина* 'молодая луна' — *постарява се* 'об убывающей луне' (Павелско, Рибново, Сърница, Жълтуша) [Родопи 1994: 11].

Известно, что в некоторых традициях названия появляющегося после новолуния месяца и — шире — названия первой половины лунного цикла, образованные от корней **mold-* выступают полными синонимами образованиям с корнем **pou-* и различаются только ареалом распространения, напр., *молодой* — *старый* месяц (ю.-рус.) и *новый* — *ветхий* месяц (сев.-рус.). Мотивационной основой в обоих случаях является представление о том, что с началом лунного цикла месяц рождается, а в конце — стареет и умирает. В балканской картине мира, однако, номинации с корнем **mold-* и **pou-* отражают различное осмысление того, что происходит с месяцем в течение одного лунного цикла, а именно — месяц рождается и умирает (сербский вариант), месяц наполняется и пустеет (болгарский и греческий вариант); в рамках македонской традиции представлены оба типа интерпретации и, соответственно, две группы номинаций (**mold-* и **pou-*). Смотри карту⁵.

⁵ Предложенная модель распределения номинаций с корнями **mold-* и **pou-* очень схематична и во многом условна. Это касается и географии распространения терминов (в некоторых болгарских селах фиксируются образования от корня **mold-*, а в Сербии, Боснии и Далмации — номинации с корнем **pou-*), и структурной организации лунного времени (например, *нова свет* 'новолуние' — *вета свет* 'не нова луна' [Добруджа 1974: 407]). Однако она позволяет расставить основные акценты, намечая тем самым дальнейшее направление исследования.

Карта. Наименования первой половины лунного месяца, рождающейся луны, производные от корней *mold- и *nou-.

То, что изменения, происходящие с месяцем, интерпретируются по-разному, нагляднее демонстрирует внутренняя форма номинации первой и второй половины лунного цикла. В терминологии новолуния и названиях новой луны эти различия мало заметны. Но общее направление развития сюжета о метаморфозах месяца задают именно эти номинации: там, где встречаются «молодую», родившуюся луну (см. хорв. обращение к показавшемуся месяцу — *млади млadenaц* [Ђорђевић 1958: 32]), в конце месяца провожают луну «старую»; напротив, про «новую» луну уже на следующий день после ее появления говорят, что она «наполняется», а в дальнейшем «рассыпается», «заворачивается», «сдается», «истончается» и т.п. Соответственно, представление о «жизни» месяца, которое лежит в основе разбираемых номинаций и актуализируется при непосредственном столкновении названий типа *молодой* — *старый*, прослеживается менее четко⁶.

⁶ Вне зависимости от того, насколько последовательно рассматриваемая номинационная модель представлена в языке, можно с уверенностью заявлять об универсальности восприятия лунного времени через категории молодой и старый. Наглядный тому пример — общепалканское (и шире) представление, что люди, родившиеся «на старой луне», рано старятся или же обладают «недетским» умом, ср. в этой связи болг. *на стар месец е роден* 'о мудром человеке' [Седакова 2007: 96].

Номинации половин лунного цикла (увеличивающаяся — уменьшающаяся луна)

Мотивационная основа рассматриваемой модели — видимое увеличение и уменьшение лунного диска. Внутренняя форма лексем, репрезентирующих эту модель, отражает различные точки зрения носителей традиции на то, какие именно изменения происходят с луной. Разбираемая модель является доминирующей для болгарской традиции и единственной (за исключением отмеченных Г. Мегасом для Тсаконии наименований *νιο φεγγάρι* (молодая луна) ‘растущая луна’ и *παλιό φεγγάρι* (старая луна) ‘убывающая луна’ [Μέγας 1941: 144]) для греческой традиционной культуры. Македонский материал демонстрирует сосуществование обеих моделей: «первая и вторая половины лунного цикла: ‘молодая’ — ‘старая’ луна» и «первая и вторая половины лунного цикла: ‘увеличивающаяся’ — ‘уменьшающаяся’ луна».

Главная отличительная черта рассматриваемой модели — относительная устойчивость первого ее члена, названия растущей луны (*новина*, *γέμωση*), и вариативность второго, названия убывающей луны. Очевидно, что более значимым для традиционной культуры представляется объяснение уменьшения лунного диска; увеличение же, вероятно, воспринимается как процесс возвращения в исходное состояние.

В связи с этим небезынтересно обратиться к этимологической трактовке славянского «месяц как ‘уменьшающееся светило’», предложенной О. Н. Трубачевым, который в частности, пишет: «Существование [...] таких обозначений (полу)месяца, как франц. *croissant*, собств. “растущий”, иначе говоря, *oppositum* понятию “меньший, уменьшающийся”, вселяет в нас уверенность в правильности избранной интерпретации, над которой размышлял задолго до нас Сократ: “Месяц (μείς) мог бы от уменьшаемости (μειοῦσθαι) правильно быть назван μείης” (Платон. Кратил)» [Трубачев 1980: 6]. Этимология Сократа представляется спорной (так как, строго говоря, месяц является настолько же уменьшающимся, насколько и увеличивающимся светилом), но она является ценным свидетельством того, что и в древнегреческий период именно опадание (а не наполнение) лунного диска привлекало к себе внимание.

Современный греческий вариант модели выглядит следующим образом: в первый день появления луну называют новой, затем до полнолуния *наполняющейся* (*γέμωση*), после полнолуния — *пропадающей* (*χάση*), *уменьшающейся* (*λίγωση*, *λείψη*); в период новолуния она *оборачивается* (*γυρίζει*) и появляется *новой*. Сходным образом у македонцев: *нова месечина* (шо полни месечината), *полна месечина* (почиње да губи, погигел) (Дебар) [Вражиновски 1998:62]. Однако более частотный болгарский и македонский вариант *новина* ‘период

от новолуния до полнолуния’, *погибел, кратеж, расип* и т. д. ‘период от полнолуния до новолуния’, см. макед.: «две недели е новина, две недели погибел» (Битуше) [Вражиновски 1998: 61], и только в день полнолуния луна называется *полной*.

(болг., макед.)	Новина	Погибел
(греч.)	γέμωση (< γεμίζω ‘наполнять’*)	χάση (< χάνω ‘терять, пропадать, гибнуть’)

Как отмечалось выше, мотивационные модели номинации второй половины лунного цикла отличаются разнообразием и тем не менее даже среди этого многообразия можно выделить несколько наиболее продуктивных основ, представляющих месяц **уменьшающимся**: болг. *кратеж* [Геров II, 1976: 411; Сакар 2002: 233], *кратена мясчина* [Сакар 2002: 233], *кратеж* [Koseska 1972: 89], *кратуи* [Странджа 1996: 260], *кратии* (Вълче поле), *на кратюна, на кратеж* (Чепеларе) [Родопи 1994: 30]; *секраца се* (месечина) [Родопи 1994: 30], *крати се, скраца се* [Пловдив 1986: 295], *крата се* (Долно Луково, Покрован) [Родопи 1994: 11]); греч. *χάση* [Δελησαββας 1988: 117; КЛ 1995: 468; Κωστάκης 1962: 44; Μέγας 1941: 143] и др. от *χάνω* ‘пропадать, терять’; *λείψη* [Μέγας 1941: 143; Παπαγγέλου 2001: 1299], *λείψη του φεγγαριού* (о. Керкира) [Σαλβάνος 1929: 142], *λειψό φεγγάρι* ‘луна в первой или второй половине’ и др. от *λείπω* ‘не хватать, не доставать’; *λίγωση του φεγγαριού* [КЛ 1995: 468; Μέγας 1941: 143], *πόλιγος, απόλιος* (Хиос) [Μέγας 1941: 144]; *λι(γ)αίνει το φεγγάρι* (Касос) [Σοφος 1986: 60] от *λιγώνω* ‘уменьшаться’.

Помимо этого убывающую луну представляют **рассыпающейся, разбивающийся**⁷: болг. *месецьт е нацърбен* ‘об убывающей луне’ [Ловеч 1999: 270], *нацърби се* ‘безлуние’ (Видин) [Koseska 1972: 87], макед. *уштиб* ‘месяц через несколько дней после полнолуния’ (Чаниште, Мариово) [Вражиновски 1998: 58], *се уштипне месечината* ‘луна убывает’ (Нерези) [там же: 60], серб. *уштан* ‘убывающая луна; безлуние’ [Јанковић 1951: 108]; болг. *уриџ* ‘последняя лунная четверть’

⁷ См. в этой связи следующую запись: «При движението си, луната губи от се частици, та за това намалѣва, а при връщането си обира изгубенитѣ частици и така пораства» (Двигаясь, луна теряет частички и потому уменьшается, при возвращении она собирает потерянные частички и таким образом вырастает) (с. Вакарел) [Ковачев 1914: 31].

* Внутренняя форма подобных наименований лунного времени актуализируется в запретах сажать и подрезать садовые деревья на молодую луну, чтобы в них не завелись черви (досл. «чтобы они не наполнились червями») («να μην γεμίζουν σκουλήκια») [Τσαμπούρης 1986: 65]; сводить в это время бородавки, чтобы не покрыться (досл. «не наполниться») να μην γεμίσεις) ими [Κεφαλληνιάδης 1965: 12] и др.

(с. Гега, Яворница) [Пирин 1980: 458]; серб. *месец растуран* ‘последняя неделя лунного месяца’ (Хомолье) [Јанковић 1951: 108]; болг., макед. *на расип* [Пловдив 1986: 295], *расип* (с. Падеш) [Пирин 1980: 458], (софийск.) [БД 1962 II: 102], (Дулица) [Вражиновски 1998 II: 67], *разсип* [Ловеч 1999: 270], серб. *месец расипан*, *расипна недеља* [Јанковић 1951: 108; Ђорђевић 1958: 34]; болг. *на усип* [Родопи 1994: 30], *усип* [Пловдив 1986: 295; (с. Ощавя, Раздол) Странджа 1996: 217]; *усип* ‘окончание одного лунного месяца и начало другого’ (Родопи) [БД 1962 II: 102], *усуп* [Пловдив 1986: 295], *дсип* [Странджа 1996: 217], *насип* (Ловеч) [Koseska 1972: 90]; болг., макед. *расипува се* [Пловдив 1986: 295; Вражиновски 1998: 79], болг. *усипува се* [Пловдив 1986: 295], *изсипва се* (Странджа) [Koseska 1972: 87], *сине се* (Долно Луково) [Родопи 1994: 30], также и греч. (ἄ)πόσχησιν ‘убывающая луна’ (о. Кипр) [Κύπριος 1874: 128] от ‘откалывать’, *τσιπήθηκε το φεγγάρι* ‘об убывающей луне’ [Μέγας 1941: 143], *τ’ακκισήν, τ’ιάκκισμον του φεγγαρκού, τ’άκκισμαν του φεγγαρκού* ‘убывающая луна’ (о. Кипр) [Παλαγγέλου 2001: 1299] от *τσιπώ* ‘отщипывать’, ‘откалывать’⁸.

Вероятно, именно представлением о «разбивающейся» луне обусловлены запреты произносить слово «месяц» в день его первого появления на небе, чтобы в доме не разбивалась посуда: увидев новую луну (*нова свеиц*), не следует говорить этого дома, потому что иначе в течение всего месяца будут часто биться глиняные горшки [Маринов 1981: 47; Ковачев 1914: 32]. Не следует дома упоминать про новый месяц (*нов месец*), потому что до следующего новолуния (*до друге младине*) в доме будут постоянно биться горшки и другие глиняные и стеклянные изделия. А если уж ошибся и помянул его, сразу надо убежать на улицу и, повернувшись к месяцу, трижды на него плюнуть (Хомолье) [Ђорђевић 1958: 33]. На Кипре не показывали пальцем на луну, потому что иначе все, чтобы человек не взял в эту руку, ломалось и билось; помочь этому можно было только одним способом — потерев руку об шкуруку змеи [Κύπριος 1874: 130].

⁸ Внутреннее значение терминов, входящих в рассматриваемую номинативную группу, получает отражение в ряде сельскохозяйственных и обрядовых практиках. Например, болгары начинали сев *на расип* «за да се расипува житото» («чтобы пшеница рассыпалась») [Пловдив 1986: 295]. Широко распространен обычай заговаривать болезнь на убывающей луне: «бае се, кога се расипва месецо, та да расипе и болката» («заговаривается на рассыпающемся месяце, чтобы и болезнь рассыпалась») [Тодорова-Пиргова 2003: 44]. И, напротив, в этот период запрещается приступать к работе, потому что иначе «всичко се расипувало» («все рассыплется, разрушится») [Пловдив 1986: 295]. См. также семантику «рассыпающегося» времени убывающей луны во фразеологизме *облечен е у расипо* (его впервые одели <во взрослую одежду> при убывающем месяце) применительно к человеку, быстро снашивающем одежду [Седакова 2007: 99].

«**Выщезенный**», «**опорожненный**» месяц. Идея убывания лунного диска не всегда связана с представлением о его физическом разрушении. Внутренняя форма номинаций следующей группы предполагает, что все видимые изменения, происходящие с луной — которая в данном случае мыслится как некий сосуд — касаются ее «содержимого» (воды или молока): его объем увеличивается — уменьшается, сама же она остается неизменной. См. греч. *ἀδειασή* (< *ἀδειάζω* ‘опорожнять’, ‘освобождать’) ‘убывающая луна’, *ἀλόχυση* (< *ἀλόχυνω* ‘выливать’, ‘опорожнять’) ‘то же’ [Μέγας 1941: 143], *λόσ’σ’υση* [< *ἀλόχυσις*] ‘то же’, *Ελόσ’σ’υσεν το φεγγάρι* (Вылился, т.е. уменьшился, месяц) (о Кипр) [Γιακούλλης 2005: 424].

Македонцы об убывающей луне говорили, что она *се цедит* (Чумово) [Вражиновски 1998:64], что, с одной стороны, отсылает нас к многочисленным нарративам о том, как ведьмы спускают и доят месяц, который оттого уменьшается, а с другой — к корпусу погодных примет. Например, болгары называют молодой месяц, выходящий с опущенными к земле рожками, «выщезенным» (*мѣсець изцѣденъ*) [Ковачев 1914: 35] и считают, что он предвещает ясную погоду. Другими словами, «выщезенная» луна, которая несет с собой не дожди, а только сухую погоду, и сама воспринимается как «сухая». Это же свойство сухости приписывается месяцу, который *се цеди*, уменьшается. Потому на убывающей луне запрещается рвать мяту [Κυπριανου 1976: 38] или подрезать виноградную лозу [Παλαχριστοδοῦλος 1963: 192], чтобы они не засохли. И именно это время повсеместно на Балканах (и не только) считается самым подходящим для заготовки дерева для строительства, веток для плетения корзин и вершей [Κωστάκης 1963: 371], рубки дров и камыша [Παναρέτου 1967: 246; Σόφος 1986: 54; Родопи 1994: 12].

Название уменьшающейся луны с внутренней формой «**разрезаемый месяц**» отмечено только на греческом материале (*φεγγυκοπή* ‘убывающая луна’ [Μέγας 1941: 144] < *φέγγος* ‘луна’ + *κοπή* ‘отрезание’), однако, при привлечении экстралингвистических данных, мотив разрезания месяца оказывается знакомым и другим балканским традициям. В частности, болгары объясняют уменьшение месяца тем, что «бабичките го магьосват и режат от него» (старухи его заколдовывают (т.е. спускают на землю) и отрезают от него (куски)) (Васильово) [Ловеч 1999: 270].

Некоторые из рассмотренных ранее названий новой и полной луны (греч. *φέζη* (досл. освещение < *φέγω* ‘светить’) ‘растущая луна’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1875], болг. *ламтѣж* ‘полнолуние’ [Пирин 1980: 459], *чистина* ‘полнолуние’ (Скопска Котлина) [Филиповић 1939: 134] и проч.) демонстрируют, что мотивационной основой последовательной номинации всех отрезков лунного цикла является в том числе и

признак интенсивности свечения лунного диска. Показательно в этой связи следующее описание изменений, происходящих с луной в течение одного лунного месяца: «Тя, виж, изпърво каква е ясна. Смила се, изстрила се, минало ѝ всичко. От 24-тия ден насетне една мътна. Тогава ѝ дошъл месеца. Па като се прекрати, излезе една ясна» (Она, знаеш, сперва такая ясная. Умылась, обтерлась, все у нее изменилось. С 24-го дня до конца она мутная. Тогда ей пришел срок. После того как закончится, выходит ясная) (с. Гоцеделчевско) [Родопи 1994: 11]. Закономерно потому, что заходящая луна может именоваться **темной**: макед. *темнува се* 'об убывающей луне' (Битуше) [Вражиновски 1998: 61], см. также серб. *мраќ* 'време између два пуна месеца, уштапа' [РСКНЈ III, 1990: 433]⁹.

Д. Младенова пишет о том, что в балканской традиционной культуре и в балканских языках ставится знак равенства между светом, излучаемым небесным светилами, и «глазами», «взглядом» солнца, луны и звезд, т.е. между концептами света и зрения [Младенова 2002: 83]. Восприятием убывающей луны как «темнеющей» и «тускнеющей», с одной стороны, и установлением причинно-следственной связи между светом луны и ее «зрением», с другой стороны, объясняется тот факт, что в уменьшающейся луне видят «слепнущее» светило — болг. *слап месец* 'третья лунная фаза, убывающая луна' (Банат) [БЕР 1986 III: 755].

Болгарские помаки о переменившемся месяце говорят, что он *накърмил се*, наелся [Koseska 1972: 90]. При этом, по македонским и болгарским представлениям, появляющийся после новолуния месяц необычайно прожорлив: «Во тија дни кога расти од се нешто животно од Земја ќе јади; од човек, од доби-ток, ќе му отпије крфта, од јајце, од дрво ќе му отпије соко (В те дни, когда растет, ест все, что есть на земле живого: человека, скотину, чью кровь он пьет, яйца, дерево, у которого он пьет сок) [Ристески 2005: 358]¹⁰. Возможно, однако, и дру-

⁹ Осмысление убывающей луны как «темной», «черной» на практике выливается в предписания стричься на уменьшающейся луне, чтобы волосы не поседели (т. е. «не осветлели») (также у албанцев [Elsie 2001: 181]), или запреты сеять в это время чеснок, мочить лен или белить полотно [Ђорђевић 1958: 34], чтобы они не потемнели.

¹⁰ В Боснии (Высочка Нахия) луне приписывают способность есть пряжу и вязаные вещи: «Не ваља прести од кад се мени Месец па до уштапа, јер ће се појести чарапе и свако плетиво. Ни католичке жене не ткају и не перу кад је мена» (Нельзя прясть с того времени, когда меняется месяц, и до ущерба, потому что он «съест» чулки и все вязаное. И у католиков женщины не ткнут и не стирают, когда месяц меняется) [Филиповић 1949: 204]. Многочисленны свидетельства, что луна ест или пьет яйца. В Болгарии под наследку подкладывали только те яйца, которые были снесены на полнолуние, одни они считались «полными» — «безь всъка празднина» — потому что «тогава Луна била сита и не пие яйца» (тогда луна была сытой и не пила яйца)

гое развитие сюжета о голодной и прожорливой луне: месяц «питается» только в первой половине лунного цикла, а после полнолуния сам оказывается **съедаемым**. Отсюда такие названия убывающей луны, как макед. *месечината се јаде, дојде на јадење, на изедовина е, се зајадува, ќе јади од се* [Вражиновски 1998: 63, 65–66], болг. *изет месец* [БЕР III, 1986: 755], *изяжда се* (Белоградчик) [Koseska 1972: 87], серб. *месец jede се* [Јанковић 1951: 108], *jede се* [Филиповић 1939: 212].

Записано несколько сообщений о том, кто и с какой целью «поедает» луну. В Пловдивском крае, например, о последней лунной четверти говорят, что солнце «изяждало месечината» (съедало луну) и потому луна ущерблялась [Пловдив 1986: 295]. Согласно македонским представлениям, уменьшение месяца происходит оттого, что солнце его хватает (*ја фака*), ест (*ја јаде*), и потому «месечината је изедена од Сонца. На секој месец ќе ја јади мало по мало Сонце, и ќе ја изеди до краја» (месяц съедается солнцем. Каждый месяц солнце понемногу отъедает от месяца, пока не съест его совсем) [Ристески 2005: 359]. Такого рода сообщений в Греции не записано, хотя в Адрамитти в полнолуние, если месяц всходил багрово-красный, верили, что на него нападает солнце — *πὸς πιά’σκι* [φεγγάρι] μι τοὺν ἥλιου — и палили из ружей, «чтобы они расцепились, не грызлись как звери» [Μέγας 1941: 143]. Кроме того, верили, что сильная, полная луна способна поедать облака (с. Пороминово), но облака, в свою очередь, способны съесть слабую, убывающую луну, и тогда облачной ночью мы не видим ее на небе (с. Николаево) [Ковачев 1914: 35]. Рассказывают также, что месяц ест Бог: «Господь яде Мѣсечината, за да става нова, та съ това да познаваме врѣмето, т.е. да можемъ да броемъ мѣсецитѣ и годиниѣ. (Господь ест месяц, чтобы тот обновился и с его помощью мы бы определяли время, т. е. могли бы исчислять месяцы и годы) (с. Гърло) [Ковачев 1914: 31]¹¹.

[Ковачев 1914: 32, 34]. Когда словенцы находили под скорлупой вареных яиц пустоту с одного конца, они верили, что «je jajce Mesec rojedel» (яйца поел месяц) (Метлики) [Möderndorfer 1946: 273], ср. также болг. диалект. родоп. *месечина* ‘пустота с одного конца сваренного яйца’ [БД V: 187; БЕР 1986 III: 757], софийск. *месец* ‘то же’ [БЕР 1986 III: 755]. Потому, вероятно, в Скопской Котлине первые семь недель жизни в колыбель младенцам клали яйца, чтобы детей «не выпил» месяц [Филиповић 1939: 137].

¹¹ В Сербии выражение *месец се jede* объясняют легендой о пророке Илье, который грызет луну: «Свети Илија је седео на морској обали и јео ракове. Све би их и појео, тако су му пријали, да то није Бог спречио подигавши јаку буру која Илију однесе на Месец, одакле је он морао гледати како ракови расту. Када опет огладни, Илија поче јести сам Месец, одгризајући и гутајући комад по комад, па би цео Месец појео и онда пао на Земљу, да Бог није уде-сио да Месец опет нарасте као што је био (Святой Илья сидел на морском берегу и ел раков. И съел бы их всех — так они ему понравились, но этого не

Отметим также способность некоторых номинаций, представляющих эту модель, порождать обрядовые практики. Например, в Болгарии (с. Велес) предписание начинать прикорм младенцев на «съедаемый месяц» — *на изет* — объясняли тем, что в противном случае ребенок будет плохо есть. Фрукты и овощи нового урожая первый раз пробовали *на изет*, чтобы все оставшееся время есть их с аппетитом [Ковачев 1914: 32]. Последний пример интересно сравнить с греческим сообщением из Эпира, где фрукты и овощи нового урожая предписывалось «облунить» (ξεφεγγιάζω), т.е. первый раз попробовать на молодую луну, чтобы иметь их в изобилии в течение всего сезона [Αραβατινός 1909: 69]. Очевидно, что именно внутренняя форма номинации лунной фазы становится причиной того, что одно и то же предписание по-разному мотивируется и приурочивается к разному времени.

* * *

Рассмотрение номинаций лунного времени в традициях балканских славян и их греческих соседей позволяет говорить о существовании двух разных концепций лунного времени, двух точек зрения на то, что именно происходит с луной в течение лунного цикла. Первая модель, представленная сербской, словенской и (частично) македонской традициями, — антропоцентрична, она в большой степени основана на представлениях о «жизни» и «смерти» месяца. Отсюда такие названия половин лунного цикла, как молодая и старая луна, а также акцент на периоде безлуния, который интерпретируется как время ее «смерти». Вторая модель, представленная греческой, болгарской и (частично) македонской традициями, видит в луне уменьшающийся и увеличивающийся в объеме предмет, а не рождающееся, растущее и умирающее существо (хотя представление о луне как о живом существе в этих традициях, безусловно, присутствует). Во второй модели акцент ставится на номинации первой и (особенно) второй половине лунного цикла; многочисленные наименования убывающей луны представляют ее гибнущей, пропадающей, рассыпающейся, разбивающейся, разрезаемой, сворачивающейся, съедаемой, темнеющей, слепнущей и др.

Сопоставительный разбор мотивационных моделей номинации лунного времени наглядно демонстрирует, с одной стороны, сходения в области греческой и болгарской, (реже) македонской «лунной»

допустил Бог, поднявший сильный ветер, который отнес Илью на месяц, откуда он должен смотреть, как раки растут. Вот когда Илья проголодается, он начинает есть месяц, отгрызая и проглатывая кусочек за кусочком, и съел бы месяц целиком и свалился бы на землю, если бы Бог не устроил так, что месяц снова нарастает и становится таким, каким и был) [Јанковић 1951: 108].

терминологии; с другой стороны, юго-восточная зона греческого пространства в ряде случаев органично вписывается в средиземноморскую традицию.

Литература

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 1–10. София, 1962–1981.
- БЕР — Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев. София, 1971 – Т. 1 –.
- Вражиновски 1998 — *Вражиновски Т.* Народна митологија на македонците. Етнографски и фолклорни материјали. Скопје; Прилеп, 1998. Кн. II.
- Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. Фототипно издание. София, 1975–1978.
- Добруджа 1974 — Добруджа: Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974.
- Дучић 1931 — Живот и обичаји племена Куча // Српски етнографски зборник. 1931. Књ. 48.
- Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
- Јанковић 1951 — *Јанковић Н. Ѓ.* Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама срба. Београд, 1951. (Српски етнографски зборник. 1951. Књ. 63.)
- Капанци 1985 — Капанци. Бит и култура на старото българско население в североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Ковачев 1914 — *Ковачев Ѓ. Д.* Народна астрономија и метеорологија // Сборник за народни умотворения. София, 1914. Кн. 30. С. 1–85.
- Ловеч 1999 — Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
- Маринов 1981 — *Маринов Д.* Избр. произведения. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1981. Т. 1.
- Младенова 2002 — *Младенова Д.* ‘Глаза’ и ‘Зрение’ небесных светил: связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре // Славяноведение. № 6. 2002. С. 72–86.
- Пирин 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Пловдив 1986 — Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.
- Родопи 1994 — Родопи. Традиционна народна духовна и социално нормативна култура. София, 1994.
- РСКНЈ III, 1990 — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. 1–.
- Сакар 2002 — Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.
- Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.
- СМР 1970 — *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.

- Странджа 1996 — Странджа. Материална и духовна култура, София, 1996.
- Телбизови 1963 — *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения. София, 1963. Кн. LI.
- Тодорова-Пиргова 2003 — *Тодорова-Пиргова И.* Баяния и магии. София, 2003.
- Трубачев 1980 — *Трубачев О. Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. 3. С. 3–15.
- Усачёва 1999 — *Усачёва В. В.* Луна и век человека. СПб., 1999.
- Филиповић 1939 — *Филиповић М. С.* Обичаји и веровања у Скопској Котлини // Српски етнографски зборник. 1939. Књ. 57.
- Филиповић 1949 — *Филиповић М. С.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. 1949. Књ. 61.
- Чёха 2006 — *Чёха О. В.* Языковой и культурный образ лунного времени в полесской традиции (молодой и старый месяц) // Славянский и балканский фольклор. М., 2006. С. 485–501.
- Elsie 2001 — *Elsie R.* A Dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture. London, 2001.
- Koseska 1972 — *Koseska V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Prace językoznawcze 63. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Möderndorfer 1946 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Narodopisno gradivo. T. 5. Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. Celje, 1946.
- Vlahović 1972 — *Vlahović P.* Običaji, verovanja i praznoverice naroda Jugoslavije. Beograd, 1972.
- Αικατερινίδης 1957 — *Αικατερινίδης Γ. Ν.* Επωδαί εξ Ανατολικής Κρήτης υπό Αικατερινίδου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1957. Τ. ΙΖ'. Σελ. 577–588.
- Αραβαντινός 1909 — *Αραβαντινός Π.* Ηπειριοτικόν γλωσσάριον. Αθηναι, 1909.
- Γιαγκούλλης 2005 — *Γιαγκούλλης Κ. Γ.* Θησαυρός Κυπριακής διαλέκτου. Ερμηνευτικός και ετυμολογικός της Μεσαιωνικής και Νεότερης Κυπριακής. Λευκωσία, 2005.
- Δελησαββας 1988 — *Δελησαββας Μ. Π.* Λαογραφικά Μάκρης και Λιβισίου Λυκίας Μικράς Ασίας. Αθηναι, 1988.
- Κεφαλληνιάδης 1965 — *Κεφαλληνιάδης Ν.* Από την λαογραφία μας. Η Σελήνη στις Ναξιακές παραδόσεις. Νάξος, 1965.
- ΚΛ 1995 — Κυθηραϊκό λεξικό. Συλλογή 10.000 λέξεων του Κυθηραϊκού γλωσσικού ιδιώματος / Επιμέλεια Δ. Λ. Κομη. Αθηναι, 1995.
- Κυπριανού 1976 — *Κυπριανού Π. Χ.* Δοξασίες για το φεγγάρι // Λαογραφικά του Παλαίκυθρου. Λευκωσία, 1976.
- Κυπριός 1874 — *Κύπριος Γ. Α.* Φιλολογικάί επισκέψεις των εν τω βίω των νεότερων κυπριων. Μνημείων των αρχαίων. Αθήνα, 1874. Τ. 1.
- Κωστάκης 1963 — *Κωστάκης Θ. Π.* Η ελιά και το λάδι στην Τσακόνια // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1963–1964. Τ. ΚΑ'. Σελ. 367–415.
- Μέγας 1941 — *Μέγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Εκδομένη επιμελεία του διευθυντού του αρχείου. Αθηναι, 1941–1943. Τριτο έτος.

- Μπαμπινιώτης 2002 — *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της Νεας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.
- Οικονομίδης 1962 — *Οικονομίδης Δ. Β.* Όνομα και ονοματοθεσία εις τας δοξασίας και συνηθείας του ελληνικού λαού // *Λαογραφία*. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1962. Τ. Κ'. Σελ. 446–542.
- Οικονομίδης 1972 — *Οικονομίδης Δ. Β.* Η τύχη εις την προφορικήν παράδοσιν του ελληνικού λαού// *Λαογραφία*. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1972–1973. Τ. ΚΗ'. Σελ. 2–26.
- Παναρέτου 1967 — *Παναρέτου Α.* Κυπριακή γεωργική λαογραφία. Λευκωσία, 1967.
- Παπαγγέλου 2001 — *Παπαγγέλου Ρ.* Το Κυπριακό ιδίωμα. Μέγα Κύπρο-έλληνοαγγλικό (και με λατινική ορολογία) λέξιμο ερμηνευτικό, ετυμολογικό, προφοράς, όρθης γραφής και με πλήρη διασταύρωση. Εκδόσεις Ιωλκός, 2001.
- Παπαχριστοδούλος 1963 — *Παπαχριστοδούλος Χ. Ι.* Λαογραφικά σύμμεκτα Ρόδου, μέρος δεύτερος // *Λαογραφία*. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1963–1964. Τ. ΚΑ'. Σελ 113–214.
- Σαλβάνος 1929 — *Σαλβάνος Γ. Ι.* Λαογραφικά σύλλεκτα εξ Αργυράδων Κερκύρας // *Λαογραφία*. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσ-νικη, 1929. Τόμος Ι'. Σελ. 113–163.
- Σαρλής 2003 — *Σαρλής Β. Π.* Λαογραφικά σύμμεκτα του Δήμου Φενεού Κορινθίας. Παραδοσιακή καθημερινή ζωή, επαγγέλματα: Καταγραφή 1962–2000. Ακαδημία Αθηνών, 2003. Τ. Β'.
- Σόφος 1986 — *Σόφος Α. Μ.* Τα λαογραφικά της Κάσου. Αθήνα, 1986. Τ. Δ' (Συμμεκτα).
- Ψυχογιός 1953 — *Ψυχογιός Ν. Δ.* Ηλειώτικα παιδοκομία // *Λαογραφία*. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1953–1954. Τ. ΙΕ'. Σελ. 248–273.